

На правах рукописи

ИЛЬИНОВА Елена Юрьевна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВЫМЫСЛА
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ТЕКСТЕ**

10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования “Волгоградский государственный университет”.

Научный консультант — доктор филологических наук, профессор *Лопушанская София Петровна*.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор *Ирисханова Ольга Камалудиновна* (Московский государственный лингвистический университет);

доктор филологических наук, профессор *Николаев Сергей Георгиевич* (Южный федеральный университет);

доктор филологических наук, профессор *Шаховский Виктор Иванович* (Волгоградский государственный педагогический университет).

Ведущая организация — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Защита состоится 19 марта 2009 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета. Автореферат размещен на сайте ВАК “ ” 2009 г.

Автореферат разослан “ ” февраля 2009 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Н. Н. Остринская

Общая характеристика работы

Данная работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивной лингвистики.

Объектом исследования является вымысел как особая разновидность речементальной деятельности, основанная на намеренной модификации концептуальной картины мира и получающая вербальное воплощение.

Предмет исследования — репрезентация вымысла в языковом сознании и дискурсивной практике.

Актуальность изучения феномена вымысла в лингвистике обусловлена следующими обстоятельствами: 1) изучение роли и функций языка в концептуально-когнитивном аспекте является одним из ведущих направлений современной лингвистики, вместе с тем вопрос о разнообразии точных и неточных способов концептуализации мира в языковом сознании и тексте на сегодняшний день мало изучен в науке о языке; 2) разработанные в современной семиотике и прагматике логические модели референции мира через предикативную структуру предложения требуют уточнения, поскольку не отражают всего богатства семантико-смыслового потенциала языкового сознания человека, который проявляется в дискурсивной (текстовой) деятельности, основанной на воображении и языковом творчестве; 3) изучение категориально-семантических и функционально-прагматических характеристик вымысла как особого способа концептуализации мира человеком в слове и тексте, анализ приемов концептуализации вымысла в литературном тексте позволят выявить ведущие стратегии лингвокреативной деятельности сознания человека при создании текста.

В качестве **гипотезы** выдвигается тезис: концептуализация вымысла является результатом категориально-смысловых трансформаций представлений о мире реальном, они основаны на процессах вторичной концептуализации, вторичной категоризации и перекатегоризации и получают репрезентацию средствами языка и текста.

Целью исследования является установление дискурсивных условий и лингвокогнитивных способов концептуализации, категоризации и перекатегоризации вымысла в языковом сознании и тексте.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

— установить содержание интердисциплинарного понятия “вымысел”, выделив его логические, аксиологические и психолого-когнитивные характеристики;

— обосновать лингвопрагматическую значимость и представить типовые приемы репрезентации вымысла в дискурсе;

— определить лингвоконцептуальные основания и разработать процедуру

описания приемов вторичной концептуализации вымысла в языке и тексте;

— представить типологию категориально-семантических процессов, сопровождающих процессы вербализации вымысла в языковом сознании (на примере реконструкции системы представлений о магии и волшебстве в британской лингвокультуре);

— описать механизмы семантико-модуляционных изменений, сопровождающих процесс актуализации лексем, номинирующих концептосферу магии и волшебства в художественном тексте;

— проанализировать семантико-смысловые трансформации и инновации в значениях слов при концептуализации вымысла о магии и волшебстве в художественном тексте;

— выявить приемы смысловой гибридизации при концептуализации вымысла о магии и волшебстве в художественном тексте.

В работе использовались следующие **методы исследования**: гипотетико-дедуктивный, лингвоконцептуальный, когнитивно-дискурсивный; компонентный анализ для реконструкции категориально-семантической структуры лексем; на основе контекстного анализа была разработана методика выявления значимых несовпадений в категориально-семантической структуре словарных и текстовых вариантов значения лексем; была предложена и применена методика лингвоконцептуального моделирования квазиконцептов и изучены приемы их номинации в художественном тексте.

Материалом для исследования послужили данные из словарей и энциклопедий, которые вербально фиксируют системные представления о вымысле и связанных с ним понятиях (более 120 единиц в русском и английском языках); изучение репрезентаций вымысла в языковом сознании и тексте проводилось с опорой на лексем, номинирующие особую ментальную сферу — концептосистему “Магия” (всего 148 лексем, выделенных методом сплошной выборки из различных толковых словарей и тезаурусов современного английского языка — The American Heritage Dictionary of the English Language, Merriam-Webster’s Collegiate Dictionary, Oxford Advanced Learner’s Dictionary, Webster’s New World Dictionary, The New Thesaurus Roget’s и т.д.); в целях категориально-понятийной систематизации привлекались данные Малого энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона; Большой российской энциклопедии, Мифологической энциклопедии, иные лингвострановедческие словари и справочные издания. Использование компьютерных программ поиска Microsoft Office Word 2003 позволило провести сплошную выборку контекстных реализаций словоформ (около 10000 случаев словоупотреблений), с помощью которых осуществляется референция к концептосфере “Магия” в художественных текстах следующих авторов: J.K. Rowling, L. Alexander, C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, P.L. Travers, R. Bradbury, a

также В. Орлова, К. Булычева, А.Н. и Б.Н. Стругацких и др. (более 9319 стр.).

За основную единицу наблюдения принимается текстовый фрагмент, выражающий концептуализированный вымысел.

Научная новизна исследования состоит в выделении нового объекта лингвистического исследования — вымысла как разновидности речемыслительной деятельности, которая получает специфическое воплощение на уровне языка и текста; комплексном описании онтологических, аксиологических и дискурсивно-прагматических характеристик вымысла; выявлении приемов референциальных отклонений от нормативного отражения мира и описании категориальных изменений при проявлении вымысла в языковом сознании; установлении доминантой роли лингвокреативности при концептуализации и вербальной репрезентации вымысла в тексте и разработке методики анализа категориально-семантических процессов, сопровождающих концептуализацию вымысла в границах широкого контекста. Впервые с учетом модуляционных семантических изменений рассмотрен процесс формирования контекстных значений лексем, используемых в тексте фантазии, установлены лингвокогнитивные закономерности семантических трансформаций их значений в мини- и макроконтестах, разработана типология категориально-смысловых изменений при концептуализации вымышленных понятий в художественном тексте отдельной разновидности.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии когнитивно-семантических исследований, объединяющих результаты изучения вариативных способов видения мира и участия категориальной семантики слова в индивидуально-творческом конструировании представлений о мирах возможных (вымышленных); уточнении методологии лингвокогнитивных исследований, направленных на изучение процессов концептуализации и категоризации в ходе текстопорождающей деятельности сознания. В нем представлено и обосновано новое направление развития лингвокогнитивных исследований, раскрывающих особенности языкового мышления личности, — концептуальная лингвистика текста, представляющая в когнитивной парадигме аспект владения языком и его употребления; получило уточнение общее представление о разнообразии форм видения мира человеком и способах их представления в текстовой форме; конкретизируются известные положения теории языка об асимметрии лексико-семантической и смысловой (контекстной) структур значения слова, о значимости процессов когнитивной интеграции и семантической модуляции; предлагается методика выявления значимых несовпадений в категориально-семантической структуре словарных и текстовых вариантов значения лексем, а также методика изучения лингвоконцептуального моделирования квазиконцептов и их номинации в художественном тексте.

Практическая ценность работы заключается в совершенствовании

методов лингвистического анализа текста, которые могут найти применение в практике вузовского преподавания курсов “Языкознание”, “Теория текста”, “Семантика слова”, “Семантика текста”. Результаты исследования и методика анализа фактического материала могут использоваться при разработке учебных курсов по лексикологии, стилистике, в специальных курсах по лингвоконцептологии и лингвистике текста.

Методологическую основу данного исследования составляют следующие концепции.

Язык представляет собой одну из форм когнитивной деятельности сознания, а получение знаний о языке есть средство доступа ко всем ментальным процессам, определяющим собственное бытие человека и функционирование языка в обществе (N. Chomsky, W. Chafe, Ph. N. Johnson-Laird, J. Lakoff, M. Johnson, R. Langacker, E.C. Кубрякова и др.).

Общие впечатления от мира получают системное закрепление в сознании человека, и эти системы представляют собой некоторое информативное (смысловое) единство — концепты (систему концептов), или знания и представления, которые уже подверглись интеллектуальной обработке, к ним человек постоянно обращается в процессе речемыслительной деятельности, переосмысливая и изменяя их (R. Jackendoff, W. Kintsch, J.L. Miller, P.M. Фрумкина, А.А. Залевская и др.).

Основу ментальной деятельности сознания составляют тесно связанные процессы концептуализации и категоризации мира, которые различаются целями. Концептуализация способствует осмыслению всех ощущений, всей информации, приходящей к человеку в результате работы органов чувств, логической и эмоциональной оценки этой деятельности. Она направлена на выделение неких условно предельных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении (концептов) и этим отличается от категоризации, которая направлена на дискретное рассмотрение значимых признаков и поиск сходства между ними, что позволяет устанавливать системные отношения, объединяющие единицы опыта при их сличении с концептом, принятым за основание самой категории (J. Lakoff, J.S. Bruner, J.R. Taylor, E.C. Кубрякова, В.З. Демьянков и др.).

Отношения между категориальными признаками иерархичны — различаются степенью обобщения и детализации выделяемых понятий, кроме того, между системой категориальных признаков, влияющих на концептуализацию мира в сознании и языке, отмечается смысловая асимметрия, что создает условия для вторичной категоризации и концептуализации представлений о мире в ходе речевой (текстовой) деятельности (Е.Н. Росч, В.Г. Гак, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, С.В. Ионова, Л.В. Бабина и др.).

В процессах вторичной концептуализации проявляется мощь эмоционального интеллекта личности, поскольку осмысление и дальнейшая

вербализация новых впечатлений о мире связаны с двумя сторонами мышления — рациональным и эмоциональным. Эмоциональное воспроизведение мира проходит в форме эмоциональных образов, которые в отличие от рациональных понятий и представлений о действительности, выражающих объективное значение предметов и их независимых от субъекта связей и взаимоотношений, отражают мир в его отношении к потребностям и интересам человека (С.Л. Рубинштейн, В.К. Вилюнас, В.И. Шаховский и др.).

Изучение эмоционального образа объективного мира предполагает переход от формально-системного видения способов концептуализации знания о мире, основанном на математическом принципе простого сложения категориальных признаков, к неаддитивному моделированию — концептуальной интеграции, представляющейся как слияние категориальных признаков различного статуса под воздействием интенций личности, что приводит к трансформациям некоторых критериальных признаков концептов или конструированию новых смысловых образований (концептуальных блендов), возникающих в сознании человека в режиме реального времени (S. Coulson, G. Fauconnier, M. Turner, E. Sweetser, R. Gibbs, В.Б. Кашкин, А.В. Кравченко и др.).

Исследование процессов концептуализации проводится с учетом лингвокультурных условий их осуществления, в частности, принято рассматривать более сложно организованные информативные единства — культурные доминанты, лингвокультурные концепты, в структуре которых выделяются ценностная, образная и понятийная стороны и отмечается особая значимость ценностной составляющей (А. Wierzbicka, В.В. Красных, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев и др.).

Для данного исследования актуальны положения лингвоконцептологии о лингвистическом выражении содержания лингвокультурного концепта, связанные с наличием имен концептов, специфической комбинаторикой ассоциативных признаков концептов, квалификацией отдельных предметных областей, их ориентацией на определенную сферу общения, а также понятие номинативной плотности при концептуализации отдельных фрагментов действительности и их востребованности в дискурсивной деятельности (Е.В. Бабаева, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин и др.).

Дискурсивные условия конструирования мира изучаются с помощью разноструктурных единиц номинации и вариативных способов описания одного объекта или одной ситуации, что приводит к необходимости учета особенностей участия семантики слов в этих процессах. Семантика слова, актуализированная в момент вторичной концептуализации впечатлений в ходе дискурсивной деятельности, позволяет перестраивать модель мира, варьировать степень детализации и точности изображения мыслимой ситуации словом, отражать различные по степени сложности понятия (S. Coulson, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, С.В. Ионова, С.Н. Плотникова, И.А. Щирова и др.).

Категориально-смысловые изменения, наблюдаемые в семантике слова при его актуализации в ходе дискурсивной деятельности, отражают его лингвокреативный потенциал, связанный с возможностью создания нового в языке, несводимого к простому суммированию стандартных форм и значений. Изучение творческого характера использования языка опирается на такие базовые когнитивные процедуры, как интегративность, композиционность, соотношение предсказуемости и непредсказуемости функционирования языковых единиц в дискурсе, а также на эвристические принципы построения новых значений в дискурсе (К. Dunbar, G. Fauconnier, M. Turner, О.К. Ирисханова, Л.А. Исаева, Ф.А. Литвин, М.В. Никитин, С.Г. Николаев и др.).

В качестве ведущей при анализе языкового выражения концептов в данной работе принята концепция о сосуществовании конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений человека о мире, о чередовании образного либо рационального начал при их представлении в языковой форме. Согласно данной концепции, смысловой доминантой языкового сознания является разностороннее восприятие человеком окружающего мира, которое закономерно отражается в структурах речемыслительной деятельности и в семантической структуре слов; ментальные изменения приводят к семантическим сдвигам в семантике слова, имеющим модуляционный характер. Под семантической модуляцией, вслед за С. П. Лопушанской, в работе понимается перенос значения, результаты которого обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте. В процессе модуляции в семантической структуре слова происходит перегруппировка разноуровневых признаков при сохранении категориальной лексической семы, реализуются синонимические отношения данного слова, которые были в исходной лексико-семантической группе (Лопушанская 1996).

Апробация работы. Основные положения, а также выводы по отдельным проблемам неоднократно докладывались на научных конференциях, симпозиумах и конгрессах: международных — “Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста” (Волгоград, 2003); “Стилистика и теория языковой коммуникации” (Москва, 2005); “Язык. Культура. Коммуникация” (Волгоград, 2006, 2008); “Человек в современных философских концепциях” (Волгоград, 2004, 2007); “Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия” (Волгоград, 2004, 2006); “Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур” (Волгоград, 2006); “Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное” (Элиста, 2006); “Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика” (Саратов, 2007); “Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов” (Волгоград, 2007); “Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире” (Волгоград, 2007); всероссийских —

“Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты” (Ульяновск, 2006); “Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков” (Волгоград, 2007); межвузовских и вузовских — Научная конференция профессорско-преподавательского состава ВолГУ (Волгоград, 1994); Научная сессия ВолГУ (Волгоград, 2001, 2004, 2007, 2008); “Эколингвистика: теория, проблемы, методы” (Саратов, 2003); Научные чтения, посвященные памяти профессора В. Г. Гака (Волгоград, 2005); региональных — “Лингвистика и межкультурная коммуникация” (Волгоград, 2004); “Языковое образовательное пространство: личность, коммуникация, культура” (Волгоград, 2005); “Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики” (Волгоград, 2008).

По теме диссертации опубликовано 48 работ общим объемом 49,1 п.л.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1) Концептуализация вымысла выступает в качестве когнитивно-дискурсивной категории, отражающей процесс речементального конструирования фрагментов вымышленного мира (миров) с опорой на онтологические признаки мира реального; основу этого процесса составляет вторичная концептуализация как иной способ отображения мира в языковом сознании и тексте, что проявляется в категориально-смысловых трансформациях онтологических признаков из мира реального, представленных в языке и тексте.

2) Логические основания вымысла базируются на гипотетической референции и получают воплощение в форме высказываний, построенных на ложных суждениях о мирах, существующих только в воображении человека. Смысловые отклонения от истинного положения дел (“фактуализация” вымысла) выявляются при сопоставлении синтаксического и логико-семантического факторов референции.

3) Отношение социума к процессу и продуктам этой деятельности неоднозначно и оценка его амбивалентна. Формы вымысла различаются прагматикой, мотивами и интенциями речевого поведения. В зависимости от интенций выделяются такие разновидности вымысла, как манипулятивная, эвристическая и эстетическая.

4) Разнообразие интенций и форм вымысла нивелируется общими лингвокогнитивными приемами вторичной концептуализации, которые основаны на категориально-смысловых трансформациях нормативных представлений об объектах из мира реального, завершающихся вербальными репрезентациями объектов из мира ирреального в семантико-смысловой структуре значений слов. Выводы о лингвокогнитивных процессах, сопровождающих вторичную концептуализацию и вербализацию вымысла, могут быть получены при реконструкции категориально-семантической системности слов, представляющих отдельные концептосферы, полностью основанные на вымысле.

5) Условия для вторичной концептуализации и создания новых ментальных образований, а также для манипулирования ими в речевой практике создаются в силу асимметрии систем онтологических и лингвистических категориальных признаков. При конструировании новых ментальных объектов с измененными свойствами наблюдается относительное сходство их признаков с прототипичными категориальными признаками известного концепта, что обеспечивается процессами когнитивной трансформации и категориального замещения и завершается закреплением в языковой форме.

6) Концептуализация вымысла обеспечивается в значительной степени процессом актуализации категориально-семантической структуры слов в художественном контексте; актуализация сопровождается модуляционно-семантическими изменениями значений лексических единиц, на характер которых влияют два типа контекста — мини- и макроконтэксты (процессуально-событийный и жанр текста).

7) Категоризация вымысла в художественном тексте сопровождается процессами семантических трансформаций, приводящих к семантико-смысловым инновациям в значениях слов, номинирующих фрагменты и объекты мира вымышленного.

8) Концептуализация вымысла в художественном тексте активизирует приемы концептуальной интеграции и завершается смысловой гибридизацией с последующим вербальным представлением придуманных смысловых гибридов в словесной форме.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения; в основной текст работы включены 3 схемы, 20 таблиц и 4 диаграммы. Справочную часть диссертации составляют список использованной литературы, список лексикографических источников и список источников примеров.

Основное содержание работы

Во *Введении* обосновывается актуальность исследования, указываются объект, предмет, формулируются цель и задачи работы, определяется её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, характеризуется материал, методологические основы и методика анализа языковых фактов, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава “Феноменология вымысла” посвящена установлению интердисциплинарного содержания понятия “вымысел”, в ней описаны его логико-смысловые, аксиологические, когнитивно-психологические характеристики. Вымысел рассматривается как разновидность речемыслительной деятельности, которая отражает специфические возможности мышления человека, связанные с парадоксальным умением

создавать речевые продукты, не имеющие прямой референции к миру, в котором существует человек. Отношение социума к результатам этой деятельности неоднозначно, но в целом позитивно.

Логико-смысловые характеристики указанной разновидности речемыслительной деятельности выводятся с опорой на известные теоретические положения философии и логики об истине и её антиподе – неправде. Современная методология логико-философского подхода базируется на неоднозначном представлении об *истине* как феномене *объективном*, связанном с теоретическим познанием, которое основано на эмпирическом опыте, и *относительном*, соответствующим меняющемуся знанию о действительности. В соответствии с этим представление об истине как достоверном знании о мире и его реалиях выражается в суждениях, доказывающих факт их существования. Перенос научных посылок логической теории истины на мыслительные процессы, сопровождающие речевую деятельность человека, потребовал уточнения.

В реферируемой работе рассмотрены общие положения логической теории языка и мнения о достоверности и правдоподобию, высказанные Н.Д. Арутюновой, А.А. Зализняк, В.И. Карасиком, С.Х. Ляпиным и др. В соответствии с ними дистинкции факта как подтверждения истинности познанного традиционно соотносят с процессом референции – центральной процедурой доказательства истинности, связанной с суждением, в котором имя (или его эквивалент) сопоставляется со свойствами объекта из мира действительного (его дескрипциями). С точки зрения строгой логики характеристики объектов, вступающих в референтные отношения с именем, должны быть точны и однозначны (Б. Рассел, Ч. Пирс, С. Крипке и др.). При этом референтность объекта, или принцип предметности, опирающийся на предпосылку его существования, составляет одно из условий истинности, которое дополняется условием оценочности, сопровождающей построение суждения: если имя, представляющее субъект суждения, не соотносимо ни с каким предметом действительности, то суждение вынесено не о чем; оно, следовательно, не может быть истинным (Н.Д. Арутюнова). Однако референция как разновидность интеллектуальной деятельности сознания человека часто преодолевает законы строгой математической логики, в связи с чем язык может характеризовать любой объект из мира реального или субъект мысли человека относительно точно или приблизительно (неточно) (Дж. Сёрль, У. Куайн, и др.). Именно положение о точности/неточности референции при отражении мира в языковом сознании (принцип неполнозначности дескрипций Б. Рассела) позволило выявить признаки высказываний, основанных на ложных суждениях и представляющих вымысел.

Неполнозначные дескрипции представляют собой неполные символы: они никогда не имеют значения сами по себе, но каждая пропозиция, в словесное выражение которой они входят, наделена значением, которое зависит от

контекста. Так, в предложении *I met a man* выделяется концепт, соответствующий неопределенной дескрипции 'man'. Если в нем заменить слово *man* на имя, лишенное референта или вовсе неспособное его иметь (напр., *unicorn*), то и такое высказывание сохраняет осмысленность и будет понятно. Предложение *I met a unicorn* значимо, хотя и ложно: пропозиция здесь не содержит в качестве конституента указания на объект 'unicorn', а лишь указывает на выражаемое этим словом представление. Из этого следует, что при вынесении суждения грамматическая структура предложения и логическая структура пропозиции могут различаться по степени точности дескрипции, замещающей субъект, но благодаря семантическому наполнению отражать субъект мысли независимо от степени истинности или символизма его существования. Таким образом, дескрипции семантически негомогенны и, в определенной степени, прагматичны — определяются знаниями и компетенцией адресата. В зависимости от их отношения к фонду знаний собеседников различают три типа референции – референтное, атрибутивное и гипотетическое употребление дескрипций в разных типах пропозициональных структур (У. Куайн, Н.Д. Арутюнова и др.).

При референтном употреблении значение дескрипции служит только для указания на объект, оно не входит в содержание высказывания и не влияет на его истинное значение (*Автор "Гамлета" умер в один год с автором "Дон Кихота"*). При атрибутивном употреблении значение выражения входит в смысл высказывания (*Грабитель склада — не новичок*). Оно непрозрачно, семантически связано с предикатом, оператор выполняет здесь характеризующую функцию и позволяет по-разному номинировать в высказывании одно лицо (напр., *I met a man / a postman/ a knight/ a rascal, etc.*). При гипотетической референции устанавливается некоторая воображаемая "предметная область" приложения языка, основанная на зависимости дескрипции от условий ее осуществления, или неистинном (ложном) употреблении концепта, не соответствующем дескрипции в пропозиции (В.В. Иванов, А.В. Кравченко, В.В. Целищев).

Положения теории референции, указывающие на строгие основания истинности пропозиции, выражают идеальные экзистенциальные отношения между субъектами мысли и их свойствами, но, одновременно с этим, они подтверждают мнение о неоднозначности дескрипции, об относительной тождественности признаков при назывании субъекта мысли словом в высказывании. Это косвенно подтверждает наше положение о том, что в целом понятия *истина* и *правда* не находятся в отношениях диаметральной противоположности, а понятие *вымысел*, которое составляет неотъемлемую часть интеллектуальной деятельности человека, основано на несовпадении признаков референта с дескрипциями, намеренно включаемыми в логико-семантическую структуру высказывания о нем.

Феноменологическим основанием вымысла считаем объективно наблюдаемые дескрипции возможных миров, воспринимаемые через призму подобия, относительного сходства с онтологическими свойствами мира реального. При этом неоднозначность референции к объектам из этого мира связана с заменой отдельных понятийных признаков. Появление подобных смысловых отклонений связано со способностью сознания человека к творческой переработке различных впечатлений о мире реальном и созданию ментальных конструкторов, для которых характерна неверифицируемость и референциальная неточность. На уровне языка такие продукты работы воображения представлены в высказываниях, основанных на ложных суждениях, что проявляется в предикации с гипотетической референцией к несуществующим в реальном мире объектам, ситуациям и их признакам.

Изучение приемов смысловых нарушений в отношениях между субъектом мысли и приписываемыми ему признаками в случае гипотетической референции позволило выделить три разновидности отклонений от модели истинного суждения: 1) имя называет объект с познанными свойствами, зафиксированными и номинированными в языковом сознании, но его предикат называет ложные признаки объекта (напр., *Lower and lower went the flying car*); 2) предикат называет познанные функции объекта, но приписывает их иному объекту (*Torn pages were flying everywhere as the books rapped with each other, locked together, in furious wrestling matches and snapping aggressively*); 3) имя и его дескрипции представляют субъект мысли с непознанными свойствами (*The other day Arthur confiscated a box of cursed Sneakoscopes that were almost certainly planted by a Death Eater*). Указанные смысловые замены (отклонения от референциальных признаков объектов из мира реального) выявляются, в первую очередь, при сопоставлении синтаксического и логико-семантического планов референции.

Изучение онтологических характеристик вымысла дополнено в работе описанием причин искажения феноменологии мира реального, которые объясняются намеренным или ненамеренным отклонением от референциальных признаков субъекта отражения. В работе уточняется положение об относительной точности информации, представляющей субъект референции в процессе предикации, и обосновывается тезис о вариативном характере отражения мира в языковом сознании. Для доказательства данного тезиса приводятся примеры разнообразных способов неточного отражения мира, что позволяет рассмотреть оппозицию *истина – вымысел* как градуальное представление о количестве и качестве информации, минимально достаточной для вывода об истинности, возможности, невозможности, ложности предикации о субъекте мысли, а также уточняющую степень влияния человека на процесс вербализации мысли об этом.

Значимыми для рассмотрения феноменологических свойств вымысла являются вопросы о содержании понятия “картина мира” и нормативности

разных миров в языковом сознании. Уточним, что в данной работе под *картиной мира* понимается некий мыслительный конструкт, в котором реальный мир отражается в сознании человека в дискретной форме как продукт человеческого сознания (Г.В. Колшанский, М. Хайдеггер, Т.В. Цивьян и др.). Специфика этого конструкта состоит в том, что сознание человека отражает мир активно. В целом, картина мира соответствует, в первую очередь, тем знаниям и представлениям, которыми располагает общество на каждом этапе-витке знания. В более широком контексте к таким знаниям относятся любые проявления духовной жизни человека, вся совокупность знаний о мире, соотносимых с определенным этапом развития общества, и в истории цивилизации таких этапов было немало. Познавая мир и свое место в этом мире, человечество шаг за шагом продвигалось в направлении от мифологического (архаического, донаучного) мышления, основанного на эмоционально-образных (и часто ложных) впечатлениях об окружающем мире, к материалистическому (правдивому, научному), основанному на фактах и эмпирических данных, категориально обобщенных в естественных науках. Не менее сложной является и социокультурная картина мира, построенная на условностях, архаических мифах и морально-этических нормах бытия человека. Таким образом, в сознании современного человека сложилось несколько вариантов (картин) мира, среди которых выделяется одна – общая картина мира реального, того мира, в котором живет человек. Остальные “миры” существуют только в сознании человека как “возможные” или ирреальные, они определяются как системные представления о вероятностном положении дел по отношению к субъекту, находящемуся в реальном мире и проецирующему свое “я” в иные мыслительные пространства, создаваемые сознанием отдельной личности или коллективным сознанием социума (Я. Хинтика). В работе формулируются следующие положения об экзистенции возможных миров: 1) среди множества “миров” есть только один реальный мир – тот, в котором действительно живет человек, гипотетическая референция к вымышленному миру соотносима с признаками мира реального; 2) в возможных мирах может выделяться и то, что существует в реальном мире, и то, что в нем не существует, но при их конструировании сознание человека обязательно опирается на представления о положении дел в мире реальном; проявляется это в расщепленной референции, основанной на логических операциях сходства или подобия; 3) возможный мир получает прописку в сфере ментальности, его можно интерпретировать как возможное положение или направление развития событий, объекты этого мира реальны только в пределах фрагментов этого пространства. Указанные положения о феномене *вымысел* дополняются ценностными и когнитивно-психологическими характеристиками.

Аксиологические свойства вымысла рассмотрены с учетом парадигмы нравственных понятий социума, представленных в оппозитивных парах

понятий *истина :: ложь, правда :: ложь, правда :: вранье, правда :: обман, честность :: нечестность*. Материальную основу анализа составили более 120 лексем и паремий английского и русского языков, обозначающих негативные и позитивные аспекты вымысла и близких к нему понятий (напр., *ложь, вранье, неправда* и др.), были собраны мнения представителей двух указанных сообществ о значимости правды, неправды, лжи и вымысла.

Выявленные аксиологические характеристики вымысла позволили сделать вывод о неоднозначности его отношений с указанными понятиями, выражающими отношение социума к искреннему или неискреннему речементальному поведению личности. Исследование показало, что вымысел характеризуется амбивалентной морально-нравственной оценкой, поскольку проявляется в двух разновидностях речевого поведения – 1) поведении, основанном на намеренном отклонении от истины (правды), имеющим целью сокрытие или манипулирование информацией, что осуждается социумом (ср.: *вымысел как намеренное и осуждаемое социумом искажение истины — неправда, вранье, ложь, обман, лганьё, брехня, измышления, дезинформация, жульничество, уловка, хитрость*, а также *lie, half-truth, faulse, fiction, figment, deceit, deception, duplicity, fabrication, flim flam, forked tongue, story, cobblers, fib, hogwash* и другие лексемы, номинирующие различные проявления лживости и неискренности); 2) креативное поведение, связанное с переосмыслением известного и получающее вербальное воплощение в тексте, который доставляет эстетическое наслаждение и приветствуется социумом (*вымысел как проявление воображения, творческая способность сознания к самовыражению — фантазия, выдумка, выдумывание, фантастика*, а также *fancy, fantasy, figment, imagination*).

Смысловые различия между двумя указанными типами процессов представляют не только группировки абстрактных имен, но и глаголы, обозначающие разные аспекты изучаемой разновидности речементальной деятельности (напр., *врать, лгать, обманывать, хитрить, душить, выдумывать, приукрашивать, придумывать, фантазировать* в русс. яз. или *deceive, mislead, beguile, cheat, delude, dupe, fudge, hoodwink, bamboozle, fib, fancy, imagine, invent, etc.* в англ. яз.). Сравнение словесного обозначения представлений о речемыслительном поведении, основанном на неточном, а порой и намеренно искаженном отражении мира в языке, позволило выявить существенные совпадения в категориально-семантической актуализации понятийных и аксиологических сторон исследуемого понятия в русской и англоязычной культурах: в обоих языках выявляются группы лексем, представляющие все оттенки вымысла — от неискренного, лживого высказывания до фантазий, приносящих наслаждение. Это подтверждает наше положение об универсальном и амбивалентном характере рассматриваемого феномена. Незначительные различия касаются общего количества лексем и перераспределения аспектуальных оттенков при описании неискренного речевого поведения в этих лингвокультурах.

Значительное место было отведено в данном разделе работы изучению

причин лживого поведения, его социальной и психологической обусловленности задачами коммуникации, востребованности феноменов “ложь в спасение” для русской и “white lie” для британской коммуникативной культуры.

Интердисциплинарное описание феноменологических характеристик вымысла завершает раздел о роли воображения в обеспечении его когнитивно-психологических оснований. Определив воображение как особую форму психической деятельности человека, которая занимает промежуточное положение между восприятием, мышлением и памятью и состоит в создании представлений и мысленных ситуаций, никогда в целом не воспринимавшихся человеком в действительности (Л.С. Выготский), мы рассмотрели его как способность сознания человека творить новое знание (С.Л. Рубинштейн). Специфика его состоит в том, что оно предвосхищает то, чего еще не существует — либо в личном опыте человека, либо в действительности. Воображение преобразует уже воспроизведенные образы и позволяет человеку планировать свои действия в процессе познания мира, находить новые пути и способы решения возникающих перед ним задач, представлять идеальный результат деятельности в сознании до того, как он будет достигнут реально, искать связи между известными ранее или приобретенными заново данными, делать открытия. Подчеркнем, что догадка, интуиция, ведущие к научному открытию или необычные художественные образы и идеи невозможны без участия воображения.

Воображение, связанное с созданием вымысла, запускает процесс преобразования известного материала посредством усложнения, достраивания понятий или формирования образов ранее частично или полностью ненаблюдаемых явлений. Особое значение в этот момент приобретают когнитивные приемы и способы переработки представлений о мире реальном в вымышленные — схематизация, агглютинация, гиперболизация, миниатюризация (С.Л. Рубинштейн). Подобная деятельность воображения выводит сознание за границы реальной картины мира и способствует формированию образов, не имеющих референтов в ней. В работе выделяются следующие группы возможных образов: 1) образы предметов или явлений, в принципе доступные живому созерцанию, но недоступные восприятию лишь в настоящий момент; 2) образы объектов, не наблюдаемые в силу ограниченности органов чувств, но проявляющие отдельные свойства (напр., ультразвук или инфракрасные лучи и т.п.); 3) воображаемые образы объектов, которые только должны быть созданы в процессе практической деятельности человека или возникнуть в ходе эволюции природных явлений, которые становятся базой научного прогнозирования и планирования; 4) абстрактные образы объектов, которые никогда не существовали и мыслятся как принципиально невозможные в будущем (в науке такими являются различного рода модели, в художественной литературе — это концепты с содержанием, противоречащим здравому смыслу).

Приведенная типология воображаемых образов основана на сочетании двух

основных компонентов воображения — вымысле и правде о реальности. При их взаимодействии создаются условия для свободной игры ассоциаций — при нестандартном чередовании и комбинировании признаков возникают сложные новообразования — образы объектов, воспринимаемые как несуществующие, но гипотетически возможные. Деятельность воображения стимулируется различными (часто случайными) связями явлений, событий, предметов. Они способны вызвать эту игру ассоциаций и привести к появлению необычного ментального образования — смыслового гибрида, объединяющего в себе признаки из нескольких концептуальных зон. Но для того, чтобы это произошло, необходимо волевое участие человека, эмоционально напряженное поле сознания которого дает материал и основную идею, направляющую работу воображения в определенное русло.

Во второй главе “Прагматика вымысла и его репрезентации в дискурсе” рассмотрены мотивы, которые побуждают человека обращаться к указанным выше приемам ложной референции, основанной на гипотетической ассоциативности признаков, и дискурсивно-прагматические приемы, с помощью которых в коммуникации получают воплощение мысли о фрагментах мира (миров) с вымышленными свойствами.

Изучение дискурсивных проявлений вымысла позволило выявить ряд особенностей, которые связаны с различиями в функциях и приемах представления вымысла в тексте. Для передачи вымысла в дискурсивной культуре каждого социума сформировалась система дискурсивных средств, позволяющая обслуживать разные потребности человека в вымысле и представлять его в вербальной форме. В зависимости от функционально-прагматической значимости были выделены три разновидности вымысла, они различаются интенциями использования измененных (модифицированных) представлений о мире: 1) *манипулятивный вымысел*, связанный с намеренным искажением информации; с его помощью в сознание социума внедряются неточные или ошибочные представления о положении дел в мире, о псевдоценностях и псевдогероях в формате различных жанров институционального, бытийного и бытового дискурса; 2) *эвристический вымысел*, нацеленный на постижение неизвестного, нового с опорой на уже познанное и вербализованное человеком; такой вымысел проявляется как в научном, так и наивном (бытовом) дискурсе, он основан на ассоциативности мышления и востребован в любой интеллектуальной деятельности, направленной на объяснение человеком не вполне понятных ему явлений в окружающем мире; 3) с помощью *эстетико-художественного вымысла* реализуются эстетические потребности человека в образно-эмоциональном описании мира, своего внутреннего состояния, в выражении своего отношения, что получает вербальное представление в различных композиционных и контекстно-вариативных формах художественного текста.

Анализ показал, что, несмотря на очевидные различия в мотивах и интенциях использования вымысла, создание (конструирование) вымысла

связано с типовыми лингвокогнитивными процедурами работы воображения, базирующимися на ассоциативном характере мышления, и любые смысловые изменения (искажения, трансформации, модификации) соотносимы с процедурами перекаатегоризации знаний о мире и последующим выражением новых идей в словесной форме. Концептологически вымысел опирается на категориальную системность мира действительного, познанного человеком, и представляется как процесс вторичной концептуализации, связанной с осмыслением или переосмыслением признаков известных понятий с разными коммуникативно-дискурсивными целями, с установлением новой системности и последующим выражением новых смысловых образований в вербальной форме.

Манипулятивный вымысел основан на механизме намеренного искажения положений дел в мире реальном, это психологическое воздействие с целью формирования убеждений или предпочтений, которые не присутствуют в сознании человека. Для сокрытия факта обмана манипуляторы прибегают к различным приемам искажения информации. С когнитивно-дискурсивной точки зрения все строится на нарушении принципа истинности аргументации, на смысловой субституции, связанной с намеренной подменой фактов, имитацией авторитетности источника информации. В изложении проявляются субъективность, иррациональность и излишняя эмоциональная оценочность, приводящие к фантомности, фидеистичности, фантазийности и лживости содержания речи. В ценностном отношении манипулятивное речевое поведение относится к средствам неискреннего общения.

Эвристический вымысел проявляется в связи с потребностью человека воспринимать и осмысливать новые представления о среде своего существования: опираясь на уже известное, он пытается понять новое, неизвестное, при этом он может заблуждаться, делая не вполне правильные выводы, принимать на веру научно необоснованные данные. Такое отклонение от истины (правды) носит ненамеренный характер и объясняется стремлением определить вербально первые ощущения от восприятия нового, выделить признаки нематериализовавшихся в действительности вещей, ситуаций, образов. Эвристический вымысел активизирует сознание на поиски новых знаний, и эта разновидность интеллектуальной деятельности одинаково востребована как в сфере науки, так и в обыденной жизни.

В пространстве художественного текста, описывающего мир воображаемый, фантазийный, отдельные феноменологические признаки известных понятий и представлений, принятых в социуме, могут получить нетрадиционное воплощение, что приводит к появлению окказиональных ментальных образований — псевдоконцептов, в содержании которых наблюдается смешение количества и качества феноменологических признаков мира реального. Дальнейший ход рассуждений о феноменологической природе вымысла потребовал изучения лингвокогнитивного аспекта интеллектуальной деятельности сознания.

Третья глава “Лингвокогнитивная парадигма изучения языковых явлений” посвящена обоснованию необходимости обращения к концептуально-категориальной парадигме лингвистики, которая позволяет материализовать сложные отношения между речемыслительными инструментами сознания, обеспечивающими когнитивно и лингвистически репрезентацию любых, даже самых фантазийных представлений в языке и тексте.

В главе определяется научный аппарат, используемый в диссертации, формулируются теоретические основания к представленному в работе когнитивно-ориентированному анализу языкового материала. Одним из основных положений, которые раскрывают актуальность указанного подхода к изучению вымысла в языковом сознании и тексте, считаем следующее: в языке находят отражение многие психические и когнитивные проявления мыслящей личности, и лингвокогнитивные процедуры изучения процессов отражения и описания мироощущений в языке позволяют приблизиться к раскрытию сути этих процессов. Уточним, что указанные процессы традиционно понимаются не как простые и зеркальные. Важным представляется также высказывание Е.С. Кубряковой, которая отмечала, что язык не просто “вплетен” в тот или иной тип деятельности, но как бы образует её речемыслительную основу, объективируя замысел деятельности, её установки, разные компоненты. Продолжая мысль ученого, отметим, что язык как одна из когнитивных структур сознания человека неразрывно связан с другими — восприятием, мышлением, памятью, действием и что когнитивный мир человека изучаем по его поведению, по осуществленным видам деятельности, подавляющее большинство которых протекает при участии языка, а, следовательно, в своем строении язык косвенно отражает природу когнитивных процессов, продукт которых он кодирует.

Центральными для данного исследования стали тесно связанные процессы *концептуализации* (как ментальное конструирование мира) и *категоризации* (как способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать наблюдаемое, увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других). С их помощью внимание акцентируется на особой способности интеллекта человека — придавать своим впечатлениям упорядоченный характер, и при отражении мира классифицировать явления и объекты, воспринимая их неоднозначность, схожесть или подобие, объединять их характеристики в категориальные признаки, присваивая им имена (Е.С. Кубрякова). Два указанных понятия в самых общих чертах представляют процесс отражения мира в сознании человека. Концептуализация характеризует процессы обобщения впечатлений об отражаемом мире в сознании человека и превращения их в устойчивые концептуальные системы знаний и представлений; эффективность указанных процессов обеспечивается понятийной сегментацией — категоризацией, помогающей систематизировать вновь познанное с опорой на системы знаний об уже познанном. Совместно они отражают интеллектуальные процессы, связанные

с формированием знаний и представлений о среде обитания человека, о мире, в котором он живет и который он творит, в т.ч. с помощью слова. Процесс концептуализации неизбежно выходит на уровень вербальный и проявляется в способах категориального представления и интерпретации мира в единицах языка.

В работе *категоризация* определяется как сложный процесс формирования категориально-понятийной системности знаний, связанный с выделением самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходным сущностным признакам или свойствам (критериальным признакам), которые представляют формы мышления и имеют языковые репрезентации (традиционно соотносимые как *онтологическая* и *языковая* категоризации). Особую значимость для реферируемой работы представляет процесс языковой категоризации, в ходе которой мир “пропускается” через голову человека и отражается там в виде сложной системы языковых категорий. “Классификации в языке косвенно хранят в себе черты естественных классификаций мира, т.е. классификаций с образным и эмпирическим началом, с их нежесткими границами и отсутствием жесткой логики, с особыми правилами включения в них новых членов и особыми закономерностями их функционирования и развития” (Е.С. Кубрякова). Еще одним важным для данной работы теоретическим положением является то, что классы объектов в границах категорий не рассматриваются как четко противопоставленные (состоящие в отношении *tertium non datur*), а мыслятся в парадигме прототипа как знаки с нетождественным набором критериальных свойств, но в тоже время как группировка, характеризующаяся неким общим свойством — быть представителем чего-то вне знака.

Прототипический подход к процессу категоризации основан на идее о естественной асимметрии языка и онтологии действительности — любой естественный язык фиксирует меньше различий, чем их существует в мире. Объясняется это тем, что 1) в лингвистической категоризации отражаются не столько особенности конкретного языка, сколько особенности когниции, т.е. выделяются общие когнитивные основания, влияющие на специфику категориальной семантики слов; 2) слова объединяются категориально в одну группу не потому, что обладают свойствами, необходимыми и обязательными для каждого из них, но потому, что в их семантике фиксируются некоторые черты подобия или сходства с тем знаком категории, который выбирается в качестве ее лучшего представителя. Отметим, что прототипическая структура категории мыслится как иерархия естественных критериальных признаков и характеризуется изоморфностью и размытыми границами.

В основу изучения процесса категоризации был положен анализ понятийно-семантической структуры слова, в которой отражаются и естественные категории системного знания об общей картине мира (его объектах и их признаках), и три уровня лингвистической субкатегоризации, уточняющие базовые категориальные

признаки *предметность*, *признаковость* и *процессуальность* как общекатегориальную принадлежность к классам вещей, событий, состояний, свойств и т.п. С их помощью уточняются интегрирующий признак имен групп объектов и признак, дифференцирующий один объект от другого.

Указанное понимание сути процессов концептуализации и категоризации оказывается важным для реферируемой работы, нацеленной на доказательство гипотезы об их участии в процессах лингвокреативной деятельности сознания. Манипулирование языковыми знаками в речемыслеительном процессе связано со смысловыми перемещениями, трансформациями в комбинаторике категориальных признаков в значении слова. При этом речь идет не о техническом переходе формы языкового знака из одной категории в другую; это особого рода смысловое конструирование, приводящее к появлению нового “ословленного” категориального значения. Суть категориально-семантических изменений в этом случае, как было показано в работах С.П. Лопушанской (Лопушанская 1996), объясняется процессами *семантической модуляции* и *деривации*, с помощью которых объясняется лингвистическая природа процессов категориальных трансформаций в значении слова. Термин “модуляция” обозначает перегруппировку разноуровневых категориальных признаков в семантической структуре слова при его участии в различных видах речемыслеительной деятельности. Модуляция (перенос значения) обнаруживается при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте, когда в семантической структуре слова происходит перегруппировка разноуровневых признаков при сохранении категориальной лексической семы (Лопушанская 2000 : 23). В отличие от модуляции, семантическая деривация — процесс, приводящий к разрушению категориальной лексической семы, образованию новых лексических единиц.

Семантические изменения в структуре словесного значения косвенно раскрывают характер категориальных изменений в структуре концептуально оформленного знания в момент его реализации в процессе речевой деятельности. В реферируемой работе эти изменения рассматриваются в парадигме теории концептуальной интеграции, с помощью которой уточняются общие положения о лингвоментальных процессах. Под *интегративностью* понимается способность воображения интегрировать лингвоментальные конструкты, выражающие новые идеи и значения в ходе текстопорождающей деятельности. Создание нового представляется не столько обращением к заранее заданным ментальным конструктам (концептам), сколько активным процессом установления разнообразных связей и образования новых ментальных пространств (*mental spaces* – G. Fauconnier, E. Sweetser). В ходе когнитивно-дискурсивной деятельности человек устанавливает ассоциации между конституентами разных ментальных пространств, создавая новые и

весьма сложные конфигурации из уже готовых ментальных моделей. Следуя за коммуникативно-прагматическими потребностями, он способен объединять воедино критериальные признаки разных понятийных областей, с помощью ассоциативных связей создавать новое смысловое целое, отличное от известного и общепризнанного. В работе указанный вид речементальной деятельности рассматривается как процессы *вторичной концептуализации, вторичной категоризации и перекатегоризации*. В основе процессов положено переосмысление уже сложившихся категориальных смыслов с целью выражения нового смысла в словесной форме.

Концептуальная интегративность проявляется в слиянии признаков двух и более ментальных сфер в новом ментальном конструкте (концептуальном бленде S. Coulson, G. Fauconnier), который, наследуя роли и свойства нескольких исходных ментальных сфер, приобретает собственную структуру и новые свойства. При этом обозначающие его языковые единицы не просто возбуждают в сознании определенную стереотипную когнитивную структуру, но запускают творческий процесс, при котором человек сам выбирает пути и способы выражения мысли. Конституенты ментальных пространств могут иметь прямые референции к реальным объектам, а могут и не указывать на них. Несмотря на то, что интегрированные пространства являются результатом некоторого когнитивного усложнения (категориальной перестройки), они остаются компактными и удобными в применении. Этому способствует концептуальная компрессия связей между несколькими ментальными пространствами внутри одного нового, интегрированного.

Рассмотренные в работе теоретические положения о доминантной роли языка в осуществлении и отражении процессов мышления, а также осознание особой роли слова в построении “очеловеченной” картины мира позволили предположить, что вторичное обращение к лингвокогнитивным единицам сознания требует их постоянной адаптации к изменившимся условиям коммуникации и активизации механизмов вторичной концептуализации и категоризации, затрагивающих категориальную семантику словесных единиц, — таких, как понятийная трансформация, категориальная транспозиция, интеграция, гибридизация. Эти процессы носят лингвокреативный характер и позволяют человеку представить в языковой форме различные по степени образности и абстрактности продукты мышления.

Результаты комплексного анализа процессов вторичной категоризации и концептуализации, сопровождающих речемыслительную деятельность человека по выражению в словесной форме новых впечатлений о мире материальном и духовном, позволили в дальнейшем рассмотреть специфику когнитивных стратегий этой деятельности, выявить в ней признаки эвристичности и стереотипности. Процессы речевого творчества, как известно, в большинстве своем протекают подсознательно, но методы когнитивно-ориентированной

лингвистики позволяют собрать языковые факты, косвенно раскрывающие закономерности указанной разновидности интеллектуальной деятельности. В следующих главах работы представлены результаты изучения процессов вторичной концептуализации и категоризации и роли слова в выражении особой разновидности лингвокреативной деятельности сознания – вымысла.

В четвертой главе “Категоризация вымысла о магии и волшебстве в британской лингвокультуре” категориально-семантическому анализу были подвергнуты значения лексических единиц, с помощью которых в английском языке проведена понятийная сегментация и образная детализация особой концептосферы — сферы представлений о магии и волшебстве, полностью основанной на эвристическом и эстетическом вымысле.

Изученный языковой материал (более 300 ЛЕ, номинирующих различные аспекты сферы магии в английском языке) показал, что представления о магии как сфере особых знаний о ‘том, что не имеет материального или иного доказуемого представления’ являются для современного человека квазипонятиями (или вымышленными понятиями). Однако лексическая система языка демонстрирует разнообразные семантические средства для их обозначения, что свидетельствует о неоспоримой ценности вымысла о магии и волшебстве для носителей британской культуры.

При анализе образных способов представления концептосферы “Магия” в британской лингвокультуре было выявлено более 140 мифолексем (единиц, с нулевым денотатом, ментально представляющих класс несуществующих в реальном мире референтов — В.И. Шаховский). Это — полнозначные единицы с высокой степенью абстракции в зоне онтологических признаков. Они выполняют все знаковые функции слов — называют гипотетические мыслительные конструкторы, указывают на признаки отнесенности к миру ирреальному (напр., такие мифические существа, как *elf, goblin, sprite, brownie, Fury, magician, warlock, Merlin, etc.* не имеют референтов в мире реальном). Категориальная размытость, неточность обозначения, с одной стороны, восполняется образной детализацией, с другой: вымышленным существам — субъектам сферы магии, якобы обладающим паранормальными знаниями или силой, приписываются антропоморфные или зооморфные характеристики (частичное сходство с человеком или животным по одному из следующих признаков — внешность, характер, манера поведения, повадки (*elf, fairy, basilisk, centaur, mermaid, werewolf, etc.*), кроме того намеренно преуменьшаются или преувеличиваются размеры (*giant, troll, pixy, etc.*). В работе выделены и описаны группы лексем, объединенные понятиями ***Supernatural forces*** и ***Mythological beings*** (более 20 единиц), а также ***Folklore Mythical beings*** (более 120 единиц). Первые номинируют мифологические и мифические существа, заимствованные вместе со своими “историями” в британский фольклор из

мифологии архаичной Европы: **полубоги** (*demigod, weird sisters, demon*); **вредоносные божества** (*Fury*); **вредоносные анимаги** (*harpy, siren*); **духи** (*spirit, ghost, fury, fiend, devil, demon, vampire; hag, lamia, incubus, succubus*; отдельную группу составляют номинации дьявола — *Satan, Frankenstein's monster, Mephistopheles, Asmodeus, Belial, Ahriman*). Вторые объединяют имена фольклорных сверхъестественных существ, в образах и поведках которых смешались фольклорные мотивы бриттов, саксов, галлов и франко-норманнов, населявших в разные исторические периоды Британские острова, кельтские и германские мифологические традиции, до сих пор хранимые в фольклоре современными англичанами, шотландцами, валлийцами и ирландцами. Их списки остаются открытыми, поскольку число родов и имен сверхъестественных существ (напр., фейри и эльфов) различается в Британии по географическим ареалам. Отметим, что любая мифолексема, вошедшая в образную зону концептосферы “Магия”, обладает ценностным маркером ‘вредоносность’.

Реконструкция категориально-семантической структуры значений лексем, номинирующих концепты магии и волшебства (148 ЛЕ, отобранных в толковых словарях и иных источниках), позволила выявить значительный номинативный объем и высокую плотность обозначения понятийной стороны концептосферы “Магия” в английском языке. Был выделен ряд тематических группировок ЛЕ, которые номинируют колдовские практики (обряды и ритуалы, напр., **Witchcraft**: *sorcery, witchery; divination, incantation, prediction, soothsaying; astrology, alchemy, occultism, etc.*). Все они соотносятся с верой в паранормальные способности магов и волшебников (**Sorcerer**: *warlock, wizard, magician, witch, oracle, etc.*) воздействовать на явления природы, людей, животных (**Magic**: *spell, conjure, spellbind, jinx, etc.*), устанавливать связь с воображаемыми представителями “иного мира” (**Magic creatures**: *demon, fiend, spirit, sprite, ghost, vampire, poltergeist; elf, pixy, bogie, brownie, banshee, etc.*), с помощью колдовства изменять судьбы людей или человеческого рода в целом (**Magic activities**: *bewitch, charm, enchant, foresee, foretell, etc.*).

В ходе анализа были выделены три зоны категоризации понятийных признаков концептосферы “Магия” — субстанциональная (86 ЛЕ, 0,580), признаковая (35 ЛЕ, 0,236) и процессная (27 ЛЕ, 0,182):

Табл. № 1. Количественное соотношение единиц с субстанциональной, процессуальной и признаковой семантикой.

Доминирующий признак	Тип семантики			Всего
	субстанциональная	процессуальная	признаковая	
абстрактность	28 (0,188)			28
бытийность	44 (0,297)			44
предметность	14 (0,095)			14
активное действие		22 (0,148)		22
статичное действие		5 (0,034)		5

(состояние)				
отнесенность /отношение к магии			29 (0,196)	29
состояние-признак			6 (0,040)	6
	86 (0,580)	27 (0,182)	35 (0,236)	148 (1,0)

Было установлено, что максимальная номинативная плотность проявилось в зоне субстанциональной категоризации, где самый большой сегмент интегрирован признаком *‘бытийность сверхъестественных существ’*, он получает детальную экземплификацию в системе английского языка (44 ЛЕ, 0,297). Сравнительно небольшое число глагольных единиц (27 ЛЕ, 0,182) было распределено в четыре понятийно-тематических подкласса: *процессность ‘магического воздействия’ активного типа*, формирующаяся группами глаголов *управляющего воздействия (to bewitch, to conjure, charm, enchant), защищающего воздействия (to charm), управляющего воздействия (to predict, to foretell, to prognosticate, to forecast, to jinx, etc.),* а также *‘магическое воздействие статичного типа (to entrance, to magnetize, to spellbind, etc.)*.

Категориально-семантический анализ показал, что интеллектуальная деятельность человека может привести к созданию и вербальной репрезентации самых немислимых с точки зрения логики представлений, основанных на сложных концептуально-категориальных играх разума. Семиотика лексем, номинирующих различные признаки концептосферы “Магия”, размыта и имеет широкое приложение. Она и сегодня отражает психологический параллелизм архаического сознания, когда природа мыслится в человеческих понятиях, а человечество — в природных. Очевидно поэтому строгое разделение лексем, номинирующих понятийную и образную составляющие концептосферы “Магия”, которая вобрала в себя самые разные формы вымысла, не представляется возможным. Ценностные признаки *вера в магию, любопытство, страх, воинственность* “пропитывают” все понятия и образные концепты, входящие в её пространство.

Лексика концептосферы “Магия”, отражающая приемы концептуализации в системе английского языка особой сферы магического знания, основанной на ощущениях, интуиции, предчувствиях и страхах, связанных с недостаточным знанием о себе и окружающем мире, весьма креативно проявляет себя при семантизации в художественных текстах, написанных в жанре фэнтези. В двух следующих главах работы были рассмотрены приемы категориально-семантических изменений в лексике, номинирующей концептосферу “Магия”, при ее актуализации в контексте указанного жанра.

В пятой главе “Семантическая модуляция как лингвокогнитивное основание категоризации вымысла о магии и волшебстве в художественном тексте” были рассмотрены закономерности семантико-

смысловых изменений, происходящих в структуре значений ЛЕ, соотносимых с различными зонами концептосферы “Магия”, в момент их актуализации в контексте. Во внимание принимались три типа контекста, определяющих категориально-семантические изменения в значении ЛЕ: 1) типовой контекст (самые типичные условия реализации слова, которые определяют узуальные ЛСВ); 2) микроконтекст (информация, необходимая для интерпретации значения слова в границах предикативной структуры предложения); 3) макроконтекст (широкое окружение слова, обеспечивающее условия для интерпретации значения в жанровых границах текста). Учет указанных разновидностей контекста позволил не только наблюдать за перестройкой категориальных признаков в семантико-смысловом значении отдельного слова, но выявить лингвокреативные закономерности перекатегоризации понятий при совместной реализации контекстных значений ЛЕ в границах макроконтекста.

Изучение указанных семантических процессов подтвердило предположение об их модуляционном характере. Модуляционные семантические процессы в границах микроконтекста связаны с категориальной перестройкой семантико-смыслового значения слова, суть которой состоит в перегруппировке и выдвигании второстепенных дифференциальных сем значения, необходимых для повышения образности при описании конститuentов “магической ситуации”. Переакцентуация компонентов в семантической структуре лексемы не приводит к замене общей категориальной семы. В рамках макроконтекста активизируется дополнительная прагмасама “отнесенность к сфере магии”, которая уточняет область применения контекстного значения лексем. Так, в примере *The Creevey brothers had managed to get hold of a stack of “Support Cedric Diggory!” badges and were trying to bewitch them to make them say “Support Harry Potter!” instead (HP-4-233)* наблюдается изменение синтаксического контекста лексемы *to bewitch*.

В данной главе работы рассмотрены аддитивные разновидности категориальных изменений в семантико-смысловой структуре значения слова как суммирование сем в актуализированном значении. Было выявлено два приема модуляционных семантических изменений аддитивного типа – *семантическая актуализация* и *семантическая специализация*.

В ходе *семантической актуализации* ЛЕ, входящих в ядерную зону концептосферы “Магия”, под влиянием макроконтекста наблюдалась перестройка валентности в категориально-семантической структуре глагольных лексем, номинирующих магические процессы ‘управляющего и защищающего *muna*’ (*to bewitch, to charm, to enchant, to conjure*) и процессы ‘магического воздействия статичного *muna*’ (*to jinx, to fascinate, etc.*). В частности, буквальное понимание процессов, обозначенных этими глаголами, сопровождается расширением вариантов семантической категоризации в позиции ‘объект магического воздействия’, где появляются лексемы,

относящиеся к подклассам нетипичных для сферы магии предметно-вещественных объектов. Так, с глаголами *to bewitch, to enchant*, кроме лексем, обозначающих *людей, здания и др. (castle, building, room, door, gates, car)*, используются также *ceiling, case, clock, quills* и другие предметы быта: *Fred and George had bewitched a large cauldron of stew, an iron flagon of Butterbeer and a heavy wooden breadboard, complete with knife, to hurtle through the air to wards them*. Заполнение комплементарной позиции объекта магического воздействия нетрадиционными для концептосферы магии понятиями снижает сакральный страх перед паранормальным миром, или придает тексту юмористическое звучание, ср.: *'the suits of armor had all been bewitched to sing carols*. Серьезные категориальные изменения были отмечены в семантике глагола речемыслительной деятельности *to conjure*, который под влиянием контекста фэнтези трансформируется в перформатив и обозначает 'магическое речевое воздействие, приводящее к появлению видимой субстанции, символизирующей приближение зла': *But none of the Ministry wizards ... seemed to think it remotely that Harry, Ron, or Hermione had conjured the Dark Mark*.

Для категоризации вымысла о процессах волшебства глаголы магического воздействия активного типа используются в тесте с бóльшей частотностью, при этом самыми востребованными были признаны глаголы группы 'управляющее воздействие активного типа' (0,384 в доле в отношении к общему числу примеров, в т.ч. *to conjure* (49, 0,320), *to bewitch* (36, 0,235), *to enchant* (26, 0,170)):

Таблица № 2. Количественное соотношение данных о разновидностях процесса магического воздействия.

Разновидности воздействия	процесса магического	процессность активного типа	процессность статичного типа
<i>управляющее воздействие</i> 76(0,498)	<i>с последующим подчинением объекта</i>	42	
	<i>приводящее к появлению объекта</i>	34	
<i>защищающее воздействие</i> ²² (0,143)	<i>с помощью магической энергии</i>	22	
	<i>предвидение событий</i>	12	
<i>управление судьбой</i> ³² (0,209)	<i>наложение заклятья</i>	20	
	<i>погружение в транс</i>		5
<i>состояние</i> 23 (0,150)	<i>пребывание в околдованном состоянии</i>		18
	Всего:	153 (1,0)	23 (0,150)

Количественный подсчет соотношения контекстных вариантов значений, характеризующих процессность управляющего типа, показал, что равно востребованными были категориальные признаки 'процессность как

управление объектами' (38, 0,521) и 'процессность как управление появлением объектов' (34, 0,479), при этом самыми часто используемыми оказались глаголы *to conjure* (33), *to bewitch* (28). Отметим, что если глагол *to conjure* доминирует при категоризации символики зла, то *to bewitch* оказывается востребованным при указании на возможность бесконтактного управления одушевленными и неодушевленными объектами. Серьезные категориально-семантические трансформации были выявлены в контекстных вариантах значений глагола *to jinx*. Если в его узуальном значении обозначена 'неудача, причины которой видятся как последствия наведения порчи', то в исследованных контекстах были выявлены случаи смысловой трансформации значения, как напр., в примере (Jx-4) *He's just trying to get closer to Harry – get near enough to jinx him*; (Jx-11) *If I see you do that again I'll jinx your figures together*, где выявляется значение, близкое глаголам *to conjure*, *to bewitch*.

Семантическая специализация обеспечивается контекстуально обусловленными изменениями в значении слов, относящихся к общелитературному фонду языка, и связаны с временным включением в их семантико-смысловую структуру прагмасы 'отнесенность к магии'. Изменения аддитивного характера приводят к сужению понятийной зоны применения лексемы, при этом сохраняется общая категориальная сема, но лексема приобретает статус псевдотермина в системе представлений о магии и волшебстве (напр., лексему *transfiguration*, означающую 'процесс изменения формы', в следующем контексте следует *рассматривать* как 'особые знания о магии': *'Transfiguration is some of the most complex and dangerous magic you will learn at Hogwarts,' she said... Then she changed her desk into a pig and back again*; обычная вещь – *cauldron* (котел) становится предметом с волшебными свойствами, ср. *a self-stirring cauldron, a collapsible cauldron*). Привлечение ЛЕ из общелитературного фонда языка для номинации объектов с необычными свойствами показало привело к увеличению номинативного объема лексикона концептосферы "Магия". Псевдотермины обеспечивают "смысловой код" для успешного восприятия фрагментов, описывающих проявление волшебства. Отметим, что в связи с гипотетической возможностью актуализации в контексте любой лексемы из общелитературного фонда приведение статистики здесь не представляется возможным.

Конкретно-вещественные признаки, якобы указывающие на материализованные проявления магии и волшебства, дополняются процессными, визуализирующими ритуалы магии. Число ЛЕ в группе глаголов управляющего магического действия активного типа дополняется, напр., такими, как *to befuddle, to enslave, to tackle, to drench, to ensnare, etc.* ('управляющее воздействие'), *to arm, to shield, to jinx* ('защитное воздействие'), псевдотерминологизации подвергаются значения статичных глаголов *to petrify, to stun, to revive, etc.* Новые варианты значений таких единиц окказиональны, они

представляют якобы отдельную область магического знания, для их введения в текст используются уточнения, пояснения и описания.

Выявленные в ходе исследования модуляционно-семантические изменения аддитивного плана способствуют реализации изобразительных норм жанра фэнтези — визуализации и детализации событий в мире вымышленном. С помощью смысловых перекаатегоризаций авторам художественных текстов удается трансформировать абстрактно-размытые интуитивные представления о пугающем сверхъестественном мире в образы, предметы, процессы с точными признаками и свойствами. Детальные описания процессов магического воздействия и расширение типов объектов, подвергаемых воздействию, приводит к демифологизации и снижению сакрального страха перед вредоносностью сил зла.

В шестой главе “Семантико-смысловые инновации при категоризации вымысла о магии и волшебстве в художественном тексте” приведены результаты анализа категориально-семантических трансформаций в значениях слов, номинирующих магические объекты и процессы при их актуализации в тексте фэнтези, которые представляют инновационные приемы категоризации эвристического и эстетического вымысла в тексте фэнтези. В фокусе внимания оказались значимые несовпадения между категориальной семантикой словарных и текстовых вариантов значений лексем. В отличие от предыдущей главы, в которой были рассмотрены приемы перекаатегоризации и аддитивных уточнений значений ЛЕ, называющих отдельные фрагменты ирреального мира и их конститuentы, здесь представлены категориальные трансформации в контекстном значении ЛЕ, связанные с двойственной актуализацией категориальных признаков (материальных или физических и духовно-психологических), что приводит к деметафоризации (нейтрализации метафоричности в значении слова).

Специфика указанных лингвокреативных трансформаций в семантико-смысловой структуре слов связана с процессами модуляционных семантических изменений неаддитивного характера, под воздействием которых в фантазийном тексте формируются новые оттенки или варианты значений ЛЕ с интегрированной процессуальной, процессуально-субстанциональной и процессуально-признаковой семантикой. Неаддитивный характер смысловых трансформаций в значении слова означает глубинные категориальные перестройки в семантической структуре слова, что и приводит к формированию новых вариантов значения (оказиональных, поскольку они складываются и интерпретируются в границах текста отдельного произведения или группы произведений одного автора).

В ходе категориально-семантического анализа смысловых трансформаций в значении слов нами учитывалось влияние микроконтекста (функционально-семантическая конфигурация структуры предложения) и макроконтекст,

связанный с сюжетно-тематическими особенностями жанра фэнтези, каждый из которых по своему указывает на особый тип референтной ситуации, подлежащей описанию. Подобный подход позволил доказать положение об особых приемах понятийной категоризации вымышленного мира в жанре фэнтези. Лингвокреативная модель конструирования вымысла основана на расщепленной референции, приводящей к деметафоризации значения. Суть процесса состоит в интеграции признаков прямого и переносного значений слов во вновь создаваемом контекстном значении. Семантическая трансформация, сопровождая вербализацию эстетического вымысла, отражает перекаатегоризацию традиционных понятий о мире и связана с перегруппировкой категориальных лексических и грамматических признаков глагольной ситуации в предикации с учетом жанрового контекста.

Материал исследования показал, что глубоким смысловым трансформациям подвергается, в первую очередь, категориально-семантическая структура глагольных единиц. Семантическая конфигурация задается количеством актантов, которые будут востребованы для выражения задуманного вымысла, и их качественным наполнением. Указанные модуляционные изменения наблюдались у ЛЕ, относящихся к классам глаголов активного действия с интегративными признаками: ‘способ перемещения в пространстве’ (*to zoom, to ricochet*), ‘изменение размеров объекта’ (*to blow up*), ‘анимация или оживление неодушевленной субстанции’ (*to click, to split, to spin, to melt, to suck, etc.*); в семантической структуре глаголов речементальной деятельности (*to summon, to banish*); в семантике глаголов состояния (*to petrify, to stupefy, to stun*).

Высокую частотность появления с измененной семантической структурой в тексте фэнтези показали глаголы *to stun* (65, 0,277), *to petrify* (27, 0,115), *to stupefy* (19, 0,008), или 111 случаев из 235 (0,472), что, очевидно, связано с интеграцией категориальных признаков, характеризующих как физические, так и психоэмоциональные состояния. Наблюдались случаи совместной актуализации двух указанных категориальных признаков с включением дополнительного — *воздействие волитивного (агентивного) типа*, что требовало переосмысления характера процессности в целом — на первый план выдвигалась сема ‘агентивность’ как признак субъекта, иницирующего воздействие, и сема *состояние, в которое погружается объект воздействия*. Во всех случаях расщепленной референции требовалось буквальное прочтение текста. В отличие от глагола *to petrify*, который использовался преимущественно для выражения состояний страха и ужаса (13 словоупотреблений из 55), самый активно востребованный глагол *to stun* использовался для отражения различных эмоциональных состояний — от удивления до восхищения (30 случаев из 55 контекстов).

В ходе анализа были выявлены случаи формирования новых вариантов значений у многозначных глаголов *to petrify, to stupefy, to stun*, что связано с одновременной актуализацией трех вариантов значений: переход в состояние

окаменения (обездвижение), временное состояние оцепенения, вызванное внешним воздействием, и временное состояние оцепенения, вызванное переживаемыми эмоциями (ужас, испуг): *'She's not dead, Argus,' he said softly... 'Not dead? choked Filch, looking through his fingers at Mrs. Norris. 'But why's she all – all stiff and frozen?'* – *'She's been Petrified,' said Dumbledore.* Как следует из примера, под воздействием злых сил произошел (в буквальном смысле) переход органической субстанции из живого состояния в неживое, проявляющееся во внешних признаках пребывания между жизнью и смертью — обездвижение тела, бессознательное состояние, мимика испуга. В семантике глагола *to petrify* проявляется новый признак — агентивность, и процессуальность из временного и неконтролируемого состояния (процесса перехода субъекта магического воздействия из одного состояния в другое) трансформировалась в волитивный процесс, которым якобы управляет маг и который он направляет на объект (одушевленный или нет), последний испытывает последствия воздействия паранормальных сил, В результате в категориальной структуре глагола наблюдается замена компонента: остается компонент *'субъект-носитель признака'* и добавляется компонент *'бенефициант'*. В результате процесс статичного (*состояние, приписываемое субъекту*) превращается в процесс — субстанция (объект воздействия) переходит в новое (психофизиологическое) *состояние* при активном внешнем воздействии субъекта, которое якобы вызывает у объекта психоэмоциональное состояние испуга. В категориальной структуре процессности под влиянием признака *'отнесенность к сфере магии'* инициируется необходимость понимать значение всей фразы буквально, как *'материально наблюдаемое управление физическим и психоэмоциональным состоянием другого человека'*. Сходная игра и с другими категориальными лексическими признаками процессности — перемещением, движением, изменением размеров и форм, управлением различными состояниями — обеспечивает высокую степень эстетики концептуализации вымысла в тексте фэнтези.

В заключительной части главы рассмотрен вопрос о продуктивности словоформ с переосмысленными значениями (напр., в текстах Дж. Роулинг было выявлено 30 случаев употребления из 70 для глагола *to stun*) и приводятся примеры их быстрой адаптации в новом семантико-синтаксическом окружении. Были выявлены случаи развития словообразовательной парадигмы форм от глаголов, получивших в контексте фэнтези новые варианты значений, что проявилось в формировании процессуально-признаковой семантики: словоформы *Petrified, Stunned, Stunning* сохраняют два аспекта категориального значения процессности, в котором объединяются сема агентивности (осознание силы мага, способного инициировать и направить воздействие на объект), семы, категорирующие процесс активного действия (произвести ритуал магического воздействия), сема состояния

как признака ‘*быть заколдованным (обездвиженным и лишенным способности думать)*’. Они оказываются востребованными в атрибутивной позиции, приписывая признак ‘*быть заколдованным (и букв. окаменевшим)*’ единицам с субстанциональной семантикой.

Рассмотренный тип модуляционных изменений неаддитивного типа — семантическая трансформация — приводит к созданию семантико-смысловых гибридов — вариантов значений, основанных на максимальном изменении состава категориальных лексических сем разного ранга в семантико-смысловой структуре глагола. Значение слова в такой ситуации подвергается настолько серьезным модуляционным изменениям, что единица оказывается на грани изменения статуса категориальной лексической семы, образуя новый вариант значения, вступающий в нетипичные системные отношения с узуальными ЛСВ многозначного слова. Поскольку образование подобных новых вариантов значений носит временный и окказиональный характер, то мы не утверждаем, что здесь вступили в действие законы семантической деривации, приводящие к разрушению категориально-лексической семы. Выявленные тенденции изменения значений слов в художественных контекстах, приводящие в смысловой нейтрализации (деметафоризации) и требующие буквального понимания нового значения, характеризуют высокую степень проявления лингвокреативных способностей отдельных авторов.

В главе седьмой “Смысловая гибридизация как прием концептуализации вымысла о магии и волшебстве в тексте фэнтези” рассмотрен вопрос о содержании процесса концептуальной гибридизации и приведена типология лингвокогнитивных трансформаций, сопровождающих конструирование эстетического и эвристического вымысла в фантазийном тексте.

Гибридизация рассматривается в работе как разновидность процессов концептуальной интеграции с широким понятийным доступом, они создают условия для совмещения и транспозиции различных категориальных признаков из ассоциативно близких и далеких сфер, зафиксированных в онтологической картине мира. Уточним, что концептуализация вымысла в художественном тексте и его эстетическая интерпретация становятся возможными только на фоне т.н. правильных представлений об онтологии и аксиологии реального пространства жизни человека. Любые категориальные отклонения требуют установления ассоциаций подобия “неправильного” объекта (объекта с непонятными свойствами) какому-то объекту (объектам) из мира реального. Формирование нового смыслового гибрида (вымышленного концепта А) видится как выделение отдельных критериальных признаков из ядра известных концептуальных фреймов (концептов Б и/или В) и их комбинирование во фрейме новообразования А. Примером подобного гибридного слияния может стать описание необычной версии концепта “книга” у Р. Брэдбери: ... *you could see Mr. K reading from a metal book with raised hieroglyphs over which he brushed*

his hand, as one might play a harp. And from the book, as his fingers stroked, a voice sang, a soft ancient voice, which told tales of when the sea was red stream on the shore and ancient men had carried clouds of metal insects and electric spiders into battle (February 1999: Ylla, p. 163). Для представления данного гибрида автор объединил признаки известного музыкального инструмента – арфы (способ игры на арфе – *to brush a hand, to stroke fingers*) и звукозаписи (*'a voice sang'*), при введении нового смыслового гибрида приводится содержание записи, которая напоминает текст героических античных мифов).

На языковом уровне механизм концептуальной гибридной модальности проявляется как процесс скрещивания в одном смысловом целом различных категориальных признаков субстанциональности, признаковости и процессности. Их субкатегориальные уточнения связаны с изменением понятийных, функциональных и образно-ценностных характеристик известных концептов из реального мира. В ходе исследования были выявлены разнообразные приемы концептуализации представлений о вымышленных мирах, связанные с нарушением логических отношений между известными объектами реального мира, с искажением пространственно-временных характеристик, зооперсонификациями, флористическими анимациями, оживлением неживых (неодушевленных) объектов и т.д. Самыми востребованными оказались приемы изменения функциональных свойств известных объектов и выдумыванием новых объектов с заданными свойствами или функциями, что закрепляется в их инновационных именовании в тексте.

В реферируемой главе представлена типология следующих **приемов концептуальной гибридной модальности**: 1) гибридная модальность признаков антропоморфности и зооморфности; 2) гибридная модальность предметно-вещественных признаков, которая уточняется как а) окказиональные категориальные трансформации (видоизменения понятийной и образно-ценностной составляющих концептов с вещественными свойствами, основанные на замене характерологических и/или функциональных признаков под влиянием контекста о магии); б) окказиональные категориальные заимствования (привлечение в фантазийный контекст объектов, не относящихся к типичным для данного жанра и видоизменением их признаков); в) окказиональная неологизация (процесс создания новых понятий, для обозначения которых требуется переосмысление значений ЛЕ или создание новых слов).

Отметим, что, несмотря на то, что одной из исходных посылок данной работы было положение о вымысле как разновидности лингвокреативной деятельности сознания, отражающей способность творчески переосмысливать мир и выражать себя в нем, указанная типология – это аргумент в пользу того, что любая лингвокреативная деятельность во многом зависит от парадокса понятийно-смысловой устойчивости значения слова в языке, которая обеспечивает его творческий потенциал в тексте. В акте первоначального

именования референта слово наряду с системной категориальностью получает творческий “заряд”. Этот заряд сохраняется в виде потенциальной способности при каждом повторном обращении к нему не только соотносится с новым референтом, но и по-новому представлять его изменившиеся свойства в контексте. Указанная способность к референтной диффузности составляет основу концептуальной интеграции — широкого класса когнитивных процессов, при которых происходит объединение в границах новых ментальных пространств разнородных категориальных признаков, формирующих новые смысловые гибриды — ментальные конструкты с полифокусным набором категориальных признаков, получающих именование в языке.

Специфическими единицами, передающими представление об объектах ирреального мира, становятся квазилексемы как лингвоконцепты особого рода — новые смысловые единства с гибридной категориальной структурой, создаваемые для разовых (окказионально-авторских) концептуализаций вымысла об объектах со странными свойствами, которые связаны с необъяснимыми воздействиями на них магии. Гибридизация означает в данном случае не только и не столько соединение в одном ментальном пространстве категориальных признаков концептов из разных областей знания, сколько слияние нетождественных способов описания придуманного объекта. Введение терминологического уточнения *окказиональный* в текст работы связано с тем, что в данном случае речь идет о разовом продукте эвристической работы сознания — вторичной концептуализации с интенцией автора создать вымышленное смысловое целое в единичном художественном контексте. Его понятийная и ценностная составляющие обусловлены сюжетом и индивидуально-авторским видением ситуации. На основе знания об онтологических, сущностных признаках мира реального осуществляются смысловые модификации — трансформируются и меняются референтные свойства известных концептов. Отметим, что при экспликации вымысла в предикативном комплексе фантазийного текста были отмечены не только случаи контекстной перекатегоризации значения ЛЕ, но и транспозиция категориальных признаков, приводящая к интеграции новых смыслов. Процесс конструирования вымышленного понятия в тексте фэнтези может сопровождаться и переосмыслением категориально-семантической структуры известного слова (напр., для обозначения процесса ‘перекапывание огорода с целью избавиться от мифических вредителей, называемых *garden gnomes*’ используется окказиональная лексема *to de-gnome a garden*, образованная по закону конверсии и с помощью префикса *de-* (*remove from*)).

Итак, анализ материала, представленный в работе, свидетельствует о том, что вербализация содержания во фрагментах фантазийного текста, посвященных описанию проявлений магии и волшебства, осуществляется

совместным участием ЛЕ, контекстное значение которых подвергается вторичной концептуализации и перекатегоризации и требует буквальной интерпретации (или нейтрализации возможности метафорического понимания смысла), что связано с проблемой “правильного смысла аномального мира” (J. Cohen). Содержание предложений, представляющих вымысел в жанре фэнтези, не требует метафорического переосмысления. В своем буквальном значении они не нарушают логической связности текста и не могут быть истолкованы метафорически, потому что относятся к иной модели мира. Для того мира, который не вполне укладывается в наш повседневный опыт, такие предложения являются вполне нормальными. Внеязыковой опыт указывает на то, что мир, в котором растения или неодушевленные предметы могут двигаться и говорить, а дома и машины перемещаться по воздуху и т.п. – смысловая аномалия, фикция. Но речементальный опыт человека позволяет ему сконструировать и выразить любые формы вымысла, поскольку предполагает владение особым кодом интерпретации смысла в границах фантазийного текста — нейтрализацией метафоричности. Исследование подтвердило положение о том, что формы вымысла могут меняться от одного произведения к другому, но в целом они отражают общий когнитивный механизм концептуализации вымысла — приемы оживления неодушевленных предметов, появление объектов с непонятными свойствами, нарушение привычного хода процессов, которые связаны со смысловой трансформацией и концептуальной гибридизацией, получающей выражение в модифицированной семантико-смысловой структуре контекстного значения слова.

В *Заключении* представлены результаты проведенного исследования и определены перспективы дальнейших исследований. *Перспектива* проведенного нами исследования заключается в формировании основ и развитии положений нового направления в лингвистике – концептуальной лингвистики текста, которая имеет отношение к решению задач построения и понимания текста. Развитие нового направления по изучению текстопорождающих процессов невозможно без опоры на достижения когнитивной лингвистики, семасиологии и ономасиологии, семантики и стилистики текста, а также психолингвистики и культурологии текста, которые позволят продолжить изучение лингвокогнитивных приемов концептуализации содержания текстов различной жанровой принадлежности, разработать методики изучения смысловых искажений (фокусности) при вербализации вымысла в тексте различной жанровой принадлежности, создать новые версии и подходы к интерпретации содержания художественных текстов, рассмотреть условия появления межжанровых вариантов в общем пространстве текстовой культуры.

Основные положения диссертации изложены в следующих

публикациях:

Монография

1. Вымысел в языковом сознании и тексте : монография / ВолГУ. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2008. — 508 с. (29 п. л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

2. Ильинова, Е.Ю. Категориально-семантическая интерпретация номинативной плотности концепта MAGIC в англоязычной лингвокультуре / Е.Ю. Ильинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия “Филологические науки”. — № 3 (16) 2006. — С. 74-79 (0,5 п.л.).

3. Ильинова, Е.Ю. Концептология вымысла в тексте авторской сказки / Е.Ю. Ильинова // Филологические науки. — № 1. — 2007. — С. 85-93 (0,5 п.л.).

4. Ильинова, Е.Ю. К проблеме амбивалентности вымысла в языковом сознании / Е.Ю. Ильинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия “Филологические науки”. — № 5 (29) 2008. — С. 73-76 (0,4 п.л.).

5. Ильинова, Е.Ю. Художественный вымысел в жанровом пространстве текста / Е.Ю. Ильинова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Том 7. Выпуск 2 : Филология. — С. 27-31 (0,4 п.л.).

6. Ильинова, Е.Ю. Вымысел как разновидность лингвокреативной деятельности сознания и его дискурсивная ценность / Е.Ю. Ильинова Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2008. № 2 (8). — С. 166-170 (0,4 п.л.).

7. Ильинова, Е.Ю. Демифологизация лингвокультурных концептов в литературной традиции сказки / Е.Ю. Ильинова // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. Выпуск 1 (13). 2005. — С. 88-91 (0,4 п.л.).

8. Ильинова, Е.Ю. Актуальные проблемы семиотики смысла художественного текста / Е.Ю. Ильинова // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. — № 14 (98). — 2006. — С. 300-309 (0,6 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах научных конференций

9. Ильинова, Е.Ю. Смысловая роль тематической организации текста английского эссе / Е.Ю. Ильинова // Индивидуальное и социальное в текстообразовании. — М. : Изд-во МГЛУ, 1991. № 376. — С. 90-104 (0,6 п.л.).

10. Ильинова, Е.Ю. Стратегия построения текста английского эссе / Е.Ю. Ильинова // Функциональные и семантические особенности языковых явлений. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1994. — С. 102-108 (0,3 п.л.).

11. Ильинова, Е.Ю. Акцентирование как ведущий конструктивный

прием смысловой организации рекламного текста / Е.Ю. Ильинова // Стилистическая категоризация и текст. — М. : Изд-во МГЛУ, 1996. № 433. — С.27-42 (0,7 п.л.).

12. Ильинова, Е.Ю. Функционально-стилевой статус англоязычного рекламного текста / Е.Ю. Ильинова // Лингвистические явления в системе языка и тексте. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. — С. 50-58 (0,33 п.л.).

13. Ильинова, Е.Ю. Фреймовый подход к анализу информативной структуры текста / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Филология. Выпуск 2. 1997. — С. 85-89 (0,3 п.л.).

14. Ильинова, Е.Ю. Культурологическая специфика лингвистической импликации / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Филология. Выпуск 3. 1998. — С.63-67 (0,4 п.л.).

13. Ильинова, Е.Ю. Эмоциональные и социальные стимулы в рекламном тексте / Е.Ю. Ильинова // Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. — С.57-66 (0,4 п.л.).

14. Ильинова, Е.Ю. Социокультурное пространство текста и его измерение / Е.Ю. Ильинова // Языковая личность : Проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. — С.57-65 (0,4 п.л.).

15. Ильинова, Е.Ю. О нормах стратегической компетенции / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Филология. Выпуск 5. 2000. — С.22-26 (0,5 п.л.).

16. Ильинова, Е.Ю. Роль глагольной номинации в формировании смысловой структуры текста / Е.Ю. Ильинова // Изучение и преподавание русского языка: Юбилейный сборник. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. — С.406-412 (0,4 п.л.).

17. Ильинова, Е.Ю. Специфика интерпретации интеллектуального пространства научного дискурса / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Выпуск 2. 2002. — С. 173-178 (0,3 п.л.).

18. Ильинова, Е.Ю. Лингвокогнитивное обоснование характера ассимиляции и культурной экспансии рекламного дискурса / Е.Ю. Ильинова // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 43-62 (0,8 п.л.).

19. Ильинова, Е.Ю. Концептуализация смысла дискурса в когнитивной лингвистике / Е.Ю. Ильинова // Человек в современных философских концепциях : материалы Третьей Международной научной конференции, г. Волгоград, 14-17 сентября 2004 г. В 2-х т. Т. 2. — Волгоград : Принт, 2004. — С. 32-37 (0,3 п.л.).

20. Ильинова, Е.Ю. К вопросу о формировании коммуникативных стратегий в практике преподавания иностранного языка / Е.Ю. Ильинова //

Интенсивное обучение иностранным языкам : проблемы методики и лингвистики : сб. науч. ст. — Вып. 2. — Волгоград: Перемена, 2004. — С. 35-42 (0,4 п.л.).

21. Ильинова, Е.Ю. К вопросу о признаках дискурса в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Проблемы языка и речи в современном лингвистическом пространстве. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — С. 53-59 (0,4 п.л.).

22. Ильинова, Е.Ю. О соответствии художественной формы дискурсивной традиции лингвокультуры / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Выпуск 4. 2005. — С. 150-156 (0,5 п.л.).

23. Ильинова, Е.Ю. Асимметрия эстетической формы текста как фактор смыслового преобразования /Е.Ю. Ильинова // Научные чтения, посвященные памяти профессора В.Г. Гака, г. Волгоград, 27 января 2005 г. : сб. статей. — Волгоград : Волгогр. научное издательство, 2005. — С. 86-90 (0,3 п.л.).

24. Ильинова, Е.Ю. Приемы эстетической концептуализации смысла в литературном тексте / Е.Ю. Ильинова // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.: в 3 ч. Ч.2. — Волгоград : Волгоград. научное издательство, 2006. — С. 238-244 (0,3 п.л.).

25. Ильинова, Е.Ю. Лингвокогнитивный подход к интерпретации жанрового пространства текста / Е.Ю. Ильинова // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. — Вып. 3 / ВолГУ. — Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. — С. 28-38 (0,4 п.л.).

26. Ильинова, Е.Ю. Дискурсивное уподобление в смысловом пространстве художественного текста / Е.Ю. Ильинова // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс. — Волгоград : Парадигма, 2006. — С. 105-115 (0,5 п.л.).

27. Ильинова, Е.Ю. Об актуализации эстетического смысла в пространстве художественного текста / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Выпуск 5. 2006. — С. 115-121 (0,6 п.л.).

28. Ильинова, Е.Ю. Изменение ценностной составляющей мифологических концептов в британской традиции волшебной сказки / Е.Ю. Ильинова // Наука, искусство, образование в III тысячелетии : материалы II Международной научной конференции, г. Волгоград, 4-7-апреля 2006 г. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006. — С. 376-384 (0,3 п.л.).

29. Ильинова, Е.Ю. Семантико-смысловое представление жанрового метаконцепта в тестовом пространстве / Е.Ю. Ильинова // Языковое образовательное пространство : профильность, коммуникация, культура. — Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ин-та повышения квалификации работников образования, 2006. — С. 74-84 (0,4 п.л.).

30. Ильинова, Е.Ю. О концептуальной репрезентации смысла в пространстве художественного текста / Е.Ю. Ильинова // Когнитивно-коммуникативные категории : содержание и формы реализации : межвуз. сб. науч. ст. / Сургут. гос. ун-т. — Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. — С. 58-65 (0,3 п.л.).

31. Ильинова, Е.Ю. Дискурсивно-жанровая адаптация сюжета в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 4. Международный сборник науч. тр. — Москва – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. — С. 21-29 (0,3 п.л.).

32. Ильинова, Е.Ю. Когнитивный аспект жанрового пространства текста / Е.Ю. Ильинова // Научный вестник. Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — Вып. № 6. 2006. — С. 9-17 (0,5 п.л.).

33. Ильинова, Е.Ю. Соотношение понятий “жанр” и “стиль” в концепции академика Д.С. Лихачева // Модернизация и традиции — Нижнее Поволжье как перекресток культур : Материалы Международной научно-практической конференции, посв. 100-летию со дня рождения акад. Д.С. Лихачева, г. Волгоград, 28-30 сентября 2006 г. — Волгоград : Изд-во ВолГУ. — С. 508-514 (0,3 п.л.).

34. Ильинова, Е.Ю. Лингвокреативные трансформации концепта и жанр текста / Е.Ю. Ильинова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков : материалы межрегиональной научной конференции, г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. — Волгоград: Волгоград. научн. издательство, 2007. — С. 235- 241 (0,3 п.л.).

35. Ильинова, Е.Ю. Мифологическое и художественное сознание: динамика и взаимопроникновение / Е.Ю. Ильинова // Человек в современных философских концепциях = Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions : материалы Четвертой междунар. конф., г. — —С. 310-315 (0,4 п.л.).

36. Ильинова, Е.Ю. Категориальные признаки дискурса в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : материалы Второй Международной науч. конф., г. Волгоград.– Волгоград: Изд-во ВолГУ 2007. — Т. 1. — С. 706-711 (0, 3 п.л.).

37. Ильинова, Е.Ю. Дискурсивно-когнитивная адаптация события в литературном тексте / Е.Ю. Ильинова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Вып. 6. 2007. — С. 125-129 (0,4 п.л.).

38. Ильинова, Е.Ю. О лингвокогнитивных трансформациях метаконцепта в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности : сб-к науч. статей.

Вып. 2. — Н. Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. — С. 35-45 (0,5 п.л.).

39. Ильинова, Е.Ю. Функции диалогичности в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика : сб-к науч. трудов по материалам Международной конференции, 26-27 марта 2007 г. — Саратов : ИЦ “Наука”, 2007. — С. 141-147 (0,3 п.л.).

40. Ильинова, Е.Ю. Жанровое пространство текста в когнитивно-дискурсивном освещении / Е.Ю. Ильинова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. — Волгоград : ФГОУ ВПО “Волгоградская академия государственной службы”. — Волгоград : Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. — С. 14-18 (0,3 п.л.).

41. Ильинова, Е.Ю. Парадоксальность вымысла в коммуникации / Е.Ю. Ильинова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 6 (Часть 1). Международный сборник науч. тр. — Москва — Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2007. — С. 74-81 (0,4 п.л.).

42. Ильинова, Е.Ю. Магия вымысла в современной коммуникации / Е.Ю. Ильинова // *Lingua Mobilis*. Научный журнал. №2 (11)б. 2008. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2008. — С. 35-46 (0,5 п.л.).

43. Ильинова, Е.Ю. Художественный вымысел в модели концептуальной репрезентации / Е.Ю. Ильинова // Интенсивное обучение иностранным языкам : проблемы лингвистики : сб-к науч. статей. — Вып. 3. Ч. 1. — Волгоград : Изд-во ВГПУ “Перемена”, 2007. — С. 116-123 (0,4 п.л.).

44. Ильинова, Е.Ю. О когнитивности и эвристичности вымысла // Вопросы психолингвистики: Научный журнал теоретических и прикладных исследований. — №7. — 2008. — Волгоград : Ин-т языкознания РАН; Изд-во “Парадигма”. — С. 59-63 (0,6 п.л.).

45. Ильинова, Е.Ю. Стилизация как прием концептуализации вымысла в художественном тексте / Е.Ю. Ильинова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики : материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 29 января 2008 г. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2008. — С. 288-296 (0,3 п.л.).

46. Ильинова, Е.Ю. ИмPLICITные способы актуализации этического и эстетического смысла в жанре рецензии / Е.Ю. Ильинова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 7. Международный сборник науч. тр. — Москва — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2008. — С. 277-285 (0,4 п.л.).

47. Ильинова, Е.Ю. Феноменология литературного жанра и его когнитивно-дискурсивная интерпретация / Е.Ю. Ильинова // Язык. Культура. Коммуникация : материалы 2-й Международной научной конференции, г.

Волгоград, 14-15 мая 2008 г.: в 2 ч. Ч.2. — Волгоград : Волгогр. научное издательство, 2008. – С. 63-69 (0, 3 п.л.).

48. Ильинова, Е.Ю. Манипулятивность вымысла в русском языковом сознании / Е.Ю. Ильинова // Русистика. Вып. 8. Киев : ВПЦ Киевского ун-та, 2008. — С. 36-40 (0,4 п.л.).